

Arturo
PÉREZ-REVERTE
1951

Артуро
ПЕРЕС-РЕВЕРТЕ

***Осада,
или Шахматы
со смертью***

Роман

Санкт-Петербург

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)-44
П 27

Arturo Pérez-Reverte
EL ASEDIO
Copyright © 2010 by Arturo Pérez-Reverte
All rights reserved

Перевод с испанского Александра Богдановского

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки
Егора Саламашенко, Татьяны Павловой

ISBN 978-5-389-21282-4

© А. С. Богдановский, перевод, 2011
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство АЗБУКА®

*Хосе Мануэлю Санчесу Рону —
amicus usque ad aras¹*

¹ Другу по гроб жизни (лат.). (Здесь и далее примеч. переводчика.)

И тем, кто тщится проникнуть разумом тайны природы, весьма важно знать, притяжением ли или отталкиванием движимые, взаимодействуют друг с другом небесные тела; влекутся ли они друг к другу, побуждаемые к сему внешней силой, заключенной в какой-нибудь невидимой и тонкой материи, или же обладают некой собственной, таинственной и скрытой способностью.

*Леонард Эйлер.
Письма к немецкой принцессе, 1772*

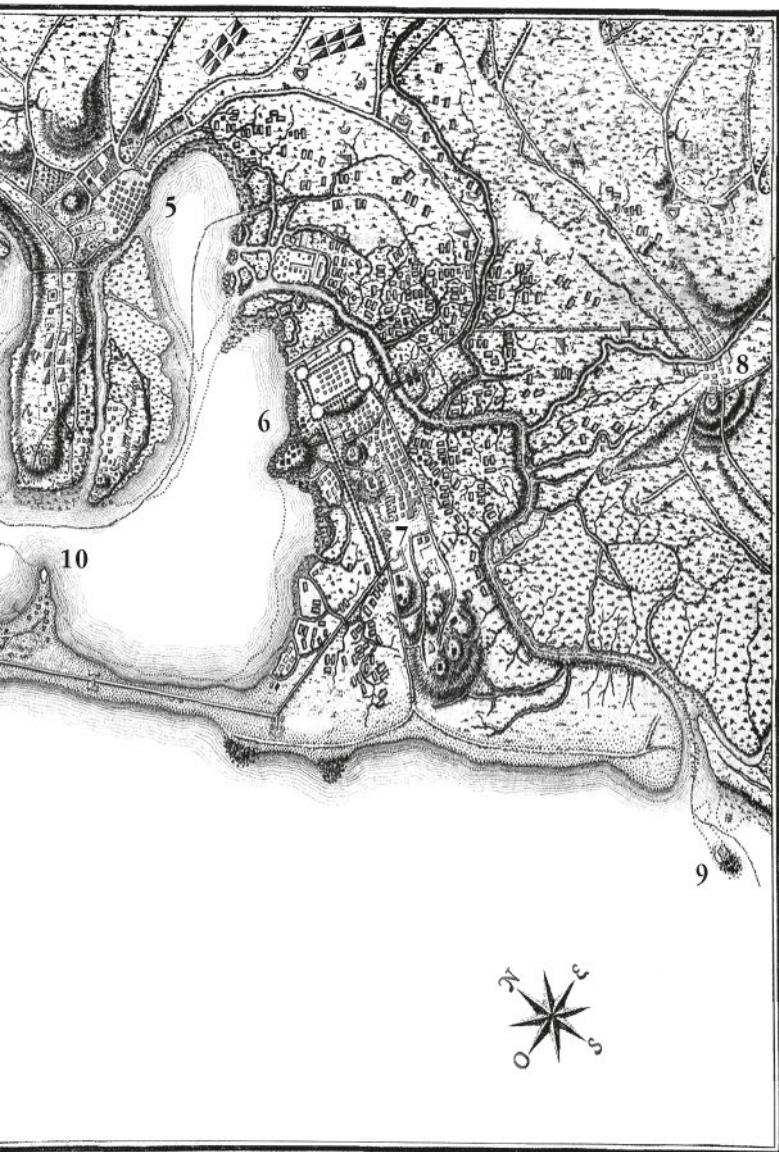
Может по воле богов случиться все в этом мире.

Софокл. Аянт

ПЛАН КАДИССКОГО ЗАЛИВА

1. Рота
2. Санта-Каталина
3. Эль-Пуэрто-де-Санта-Мария
4. Кабесуэла
5. Пуэрто-Реаль
6. Каррака
7. Исла-де-Леон
8. Чиклана
9. Санти-Петри
10. Пунталес
11. Кадис
12. Сан-Себастьян
13. р. Сан-Педро

На шестнадцатом ударе привязанный к столу человек лишился чувств. Кожа на лице стала изжелта-прозрачной, голова свесилась бессильно. Свет масляной лампы со стены обозначил дорожки слез на грязных щеках, кровавую прерывистую струйку из носа. Палач на секунду замер в нерешительности, одной рукой держа кнут, а другой обирая с бровей капли пота, от которого уже насквозь вымокла его рубаша. Потом повернулся к человеку, стоявшему позади, у дверей, поднял на него виноватые собачьи глаза. Он и сам похож на сторожевого пса — крупного, хорошей злобности, но туповатого.

Человек в дверях дважды пыхнул сигарой — и раскаленный уголек разгорелся ярче, бросил красноватый отблеск на темный очерк лица.

— Опять не тот... — говорит он.

И про себя добавляет: «Свой предел всему положен». Но вслух не произносит ничего, рассудив, что все равно без толку — не в коня корм. Да, у каждого свой порог, своя точка слома, надо только знать, где она, и уметь подвести к ней. Тонкий нюанс. Угадай, когда остановиться и как. Бросишь на весы на гран больше нужного — и все к черту пошло. Псу под хвост. Зря старались. Только время потеряли. Выпалили вслепую, а настоящую цель, наверно, уже упустили. Пустые хлопоты, даром пролитый пот: этот остолоп с кнутом по-

прежнему утирает его с бровей, чутко ожидая, прикажут продолжать или нет.

— Дохлый номер.

Агент глядит оторопело, непонимающе. Его зовут Кададьсо¹. Отличное имя для человека его ремесла. Человек с сигарой в зубах отделился от дверного косяка, подошел к столу, склонился над обеспамятевшим, взгляделся — недельная щетина, короста грязи на шее, на руках и на спине, меж вспухших лиловатых рубцов. Три — явно лишние. Может, четыре. На двенадцатом ударе все стало ясно, однако следовало все же убедиться непреложно. Впрочем, в любом случае жалоб и нареканий не последует. Нищий как нищий, бродяга с перешейка. Один из того многочисленного отребья, которое войной и осадой занесло в город, как прибоем выносит на песок всякую дрянь.

— Это не он.

Кададьсо моргал, силясь уразуметь. Казалось, было видно, как новое сведение медленно пробирается по чащобам его дремучих мозгов.

— Если позволите, я бы мог...

— Сказано же тебе, болван, — это не он!

И все же, приблизившись совсем вплотную, оглядел арестанта еще раз, внимательно. Полуоткрытые глаза застыли, остекленели. Но жив. Чего-чего, а трупов Рохелио Тисон навидался во множестве, живого от покойника как-нибудь да отличит. Бродяга дышит, хоть и слабо, и на шее, набухнув оттого, что голова свесилась, медленно бьется жилка. Склонясь еще ниже, комиссар приняхался: заглушая вонь немытого тела, витает парной кисловатый запах — обмочился под ударами. И еще — ледяной испарины, что пробирает человека в минуты страха: ее, стынущую сейчас на меловом обморочном лице, никогда не спутаешь со звериным

¹ Одно из значений слова *cadalso* — плаха, эшафот (*исп.*).

смадом, которым несет от взопревшего человека с бичом. Тисон, брезгливо сморщившись, попыхтел сигарой, обвололся целым облаком густого дыма, втянул его в ноздри, чтобы заглушить зловоние.

— Очнется — дашь ему какой-нибудь мелочи, — сказал он уже от двери. — И предупреди, чтоб не болтал: вздумает жаловаться — пусть пеняет на себя. Так дешево не отделается, освежаем, как кролика.

Бросил окурок на пол, придавил носком сапога. Взял со стула круглую шляпу с невысокой тульей, трость, серый редингот и, толкнув дверь, вышел наружу, на залитый ослепительным светом берег, вдоль которого в отдалении, за Пуэрта-де-Тьеррой, распластался Кадис, белый, как паруса корабля, идущего под вынесенными далеко в море крепостными стенами.

Жужжат мухи. В этом году рано слетелись на мертвечину. Тело лежит на прежнем месте, по ту сторону дюны, на гребне которой *левантинец* взвихривает песок. Стоя на коленях, меж разведенных бедер убитой возится всему свету известная тетка Перехиль, местная повитуха, а в молодые годы — проститутка из квартала Мерсед, давняя и надежная осведомительница комиссара, за которой он давеча посылал в город. Тисон больше доверяет ей и собственному природному чутью, чем безграмотному, продажному, вечно пьяному коновалу, которого полиции положено привлекать себе в помощь в подобных делах. А их за последние три месяца было уже два. Или четыре, если считать трактирщицу, зарезанную мужем, и хозяйку пансиона, которую из ревности убил студент-постоялец. Только зачем же их считать: это дела совсем другого рода, ясные с самого начала бытовые преступления, совершенные, что называется, в состоянии умоисступления, когда человек себя не помнит. Не то с этими девушками. Совсем другая история. Особенная. Ни на что не похожая и довольно жуткая.

— Нет, — говорит тетушка Перехиль, по нависшей тени догадавшись, что у нее за спиной появился Тисон. — Нетронутая. Чиста и непорочна, какой мама родила.

Комиссар вглядывается в лицо погибшей — кляп во рту, спутанные, растрепанные волосы забиты песком. На вид лет четырнадцать или пятнадцать, тощеватая, худосочная. На утреннем солнцепеке кожа почернела и уже немного вздулась, но это сущие пустяки по сравнению с тем, что представляет собой ее спина, рассеченная кнутом до костей, — вон они белеют меж сгустков запекшейся крови и волокон разорванных мышц.

— В точности как в прошлый раз, — заметила Перехиль.

Она одернула на убитой задранную юбку и поднялась, отряхивая налипший песок. Потом подобрала валяющуюся рядом шаль, накрыла истерзанную спину, согнав целый рой обсевших ее мух. Шалька — из тонкой и редкой шерстяной ткани, дешевенькая, как и вся прочая одежда девушки, которую, кстати, уже опознали: это служанка с постоянного двора, что на полпути от Пуэрта-де-Тьерры к Кортадуре. Вчера днем еще засветло вышла оттуда и направилась в город — проведать больную мать.

— А что ваш бродяга, сеньор комиссар?

В ответ Тисон только пожимает плечами. Тетушка Перехиль — крупная, рослая, мужеподобная, на славу вытрепана не столько числом прожитых лет, сколько тяжелой жизнью. Зубы во рту наперечет. Полуседые корни крашенных сальных волос, выбившихся из-под черной косынки. Целая гирлянда ладанок и медальонов на шее, длинные четки на поясе.

— Опять не то?.. А орал так, будто это он был.

Под суровым взглядом комиссара она осеклась, отвела глаза.

— Помалкивай, а? Пока сама не заорала.

Повитуха уже сообразила, что лучше прикусить язык: слишком давно уж она знакома с Тисоном, чтобы не понимать, когда он не склонен откровенничать. Вот как сейчас, к примеру.

— Извиняйте, дон Рохелио. Это я так, в шутку...

— С мамашей своей шутить будешь, когда в аду свидитесь. — Тисон двумя пальцами выудил из жилетного кармана серебряный дуру¹ и швырнул его повитухе. — Проваливай.

Комиссар в бессчетный раз за сегодняшний день огляделся по сторонам. Ветер давно уже занес песком следы, оставленные накануне. А с чем не справился ветер, затоптали люди: с той минуты, как погонщик мулов обнаружил труп и дал знать на ближайшую венту, народу здесь перебивала уйма. Тисон довольно долго сидел в неподвижности, тщательно перебирая в голове, не укрылось ли что от его внимания, но наконец сдался и махнул рукой. И все же, углядев широкую борозду на одном из склонов дюны, поросшем низким кустарником, поднялся, подошел поближе и вот теперь сидит перед ней на корточках, разглядывая вблизи. На миг возникает ощущение, что это все уже было с ним, что он уже видел однажды, как сидит здесь, всматривается в следы на песке. Голова тем не менее отказывается отчетливо воспроизводить это воспоминание. Может быть, это всего лишь один из тех редких снов, которые по пробуждении кажутся неотличимыми от действительности, или еще какая-то невесть откуда взявшаяся и необъяснимая уверенность, что происходящее с тобой сейчас уже происходило когда-то. Так или иначе, но комиссар выпрямляется, не придя ни к какому определенному выводу — ни по поводу своих ощущений, ни

¹ *Дуро* — монета достоинством пять песет, или двадцать реалов.

относительно этого следа: такую борозду мог оставить ветер или животное. Но могли, конечно, и те, кто волок тело по песку.

Когда на обратном пути он поравнялся с трупом, ветер, гонявший песок по гребню дюны, взметнул юбку, открыл ногу до самого колена. Тисон к сантиментам не склонен. Суровое ремесло в сочетании с угловатым и неподатливым характером давно уже приучили его видеть в мертвом теле всего лишь кусок мяса, гниющий что на солнце, что в тени. Не более чем объект расследования, сулящего неизбежную мороку, бумажную канитель, выволочки от начальства. И вид трупа давно уж не смущает душевный покой комиссара Рохелио Тисона Пеньяско, который из пятидесяти трех лет, прожитых на свете, тридцать два года несет полицейскую службу, мотаясь по улицам, как старый бродячий пес. Но на этот раз даже он, человек загорбелый, ко всему привычный, не смог перебороть какую-то смутную неловкость. И потому кончиком трости вернул подол на место и присыпал сверху пригоршней песку, чтобы снова не задрался. И тут вдруг заметил, как блеснул под ногами наполовину втоптаный в песок металлический предмет, по форме похожий на штопор. Наклонился, подобрал его, взвесил на ладони и убедился, что это осколок французской бомбы. Их при разрыве разносит во все стороны. Ими засыпан весь Кадис. А этот, без сомнения, прилетел сюда с венты Хромого, из патио, куда совсем недавно угодила одна такая.

Отшвырнув осколок, комиссар зашагал к выбеленной стене венты, на почтительном расстоянии от которой удерживали кучку любопытствующих двое солдат и капрал, по просьбе Тисона еще утром присланные сюда караульным начальником из Сан-Хосе: пара военных мундиров сумеет внушить больше уважения зевакам. Вот они толпятся — лакеи и горничные из окрестных гостиниц, погонщики мулов, кучера шарабанов и поч-

товых карет вместе со своими пассажирами, какой-то рыбак, местные женщины и ребятишки. Впереди — сам Пако Хромой, напыжась в сознании двойного превосходства над всеми, ибо и заведение это принадлежит ему, и о том, что обнаружен труп девушки, власти оповестил тоже он.

— Говорят, будто не того схватили, — обратился хозяин к подошедшему Тисону.

— Правильно говорят.

Ниций давно уже бродил по округе, так что хозяева постоянных дворов дружно указали на него, едва лишь нашли убитую. Пако Хромой самолично выпалил по нему из охотничьего ружья, задержал до прихода полиции да еще и не допустил расправы — ниций получил лишь несколько оплеух и зуботычин. Горькое разочарование читается теперь на лицах у всех, а пуще всего — на лицах мальчишек: не в кого больше швырять камнями, которые понапрасну оттягивают им карманы.

— Это точно, сеньор комиссар?

Тисон, не снизойдя до ответа, в задумчивости разглядывает стену там, куда угодила французская бомба.

— Скажи-ка мне, дружок, когда это произошло?

Пако — большие пальцы за кушаком — стоит с ним рядом, всем своим видом являя почтение и предупредительность. Он давно знаком с комиссаром и знает, что обращение «дружок» ничего не значит, а прозвучи оно в ответ из собственных его уст — беды не оберешься. Надо сказать, кстати, что хромотой страдал не он, а дед его, но в Кадисе клички переходят по наследству верней, чем деньги. И клички, и профессии. У Хромого — славное прошлое моряка и контрабандиста, о чем известно всем, не исключая и Тисона. Комиссар знает, что подвал венты битком набит товарами с Гибралтара и что по ночам, когда море спокойно, а ветер умеренный, прибрежный пейзаж оживляют силуэты баркасов и быстрые тени, снующие взад-вперед с тюками и ящиками.

Порою грузят даже скотину. Впрочем, пока Хромой будет исправно и сколько положено платить таможенным, военным и полицейским — опять же не исключая Тисона — за то, чтоб смотрели в другую сторону, все, что происходит на этом берегу, никому не доставит неприятностей. Совсем другое будет дело, если Пако начнет мудрить, занесется, пренебрежет своими обязательствами или по примеру кое-кого в городе и за пределами его начнет возить контрабанду неприятелю. Но не пойман — не вор. И в конце концов, война войной, осада осадой, но от замка Сан-Себастьян до моста Суасо по-прежнему действует старинное правило: живи и давай жить другим. Это касается и французов, которые уже довольно давно ослабили натиск и ограничиваются тем лишь, что постреливают издали, как бы по обязанности.

— Вчера утром, часов около восьми, — отвечает Пако, указывая на восточную часть бухты. — Палили вроде бы оттуда, с батареи на Кабесуэле. Жена как раз белье развешивала, увидела вспышку. Потом грохнуло, а чуточку погода рвануло вон там.

— Ущерб велик?

— Да нет, какой там ущерб: кусок стены разнесло, в птичник попало, нескольких кур убило... Но перепугались сильно, что говорить. Жена так и сомлела. Шагов бы на тридцать поближе — и быть мне вдовцом.

Тисон, ковыряя ногтем в зубах — в левом углу рта посверкивала золотая коронка, — смотрел меж тем на полоску воды шириной в этом месте примерно в милю: от занятого французами материка она отделяет перешеек, который вместе с городом Кадисом образует полуостров, одним боком обращенный к побережью Атлантики, а другим — к бухте, к порту и к плавням Исладе-Леона.

Задувавший левантинец делал воздух прозрачным и чистым, и можно было невооруженным глазом рас-

смотреть неприятельские укрепления на мысе Трокадеро: справа — Форт-Луис, слева — полуразрушенные стены Матагорды, а несколько выше и позади — батарею Кабесуэлы.

— А еще бомбы долетали оттуда?

Хромой покачал головой. Показал на перешеек, тянувшийся по обе стороны от его венты:

— Рвались вон там, возле Агуады, а особенно много — в Пунталесе: падает день и ночь, тамошние боятся нос высунуть, живут как кроты... А здесь — впервые.

Тисон рассеяннo кивает. И продолжает вглядываться в позиции французов сощуренными глазами, потому что солнце, отблескивая на белой стене, на морской глади и на дюнах, слепит нещадно. Он прикидывает траекторию и сравнивает ее с другими. Как это его раньше не осенило? Впрочем, в военном деле, а тем паче — в баллистике, он разбирается слабо да и не убежден, что догадка его верна. Наитие, смутное прозрение. Особого рода беспокойство, ни на что не похожая тревога, которая перемешивается с уверенностью в том, что так ли, иначе, но все это он уже проживал когда-то. Словно бы на игральной доске города кто-то сделал ход, а Тисон этого вовремя не заметил. Две пешки, считая сегодняшнюю. Две съеденные пешки. Две девушки.

Да, тут может быть взаимосвязь, заключает он. Ему самому, бывало, случалось за столиком кофейни Коррео придумывать еще и не такие комбинации. Придумывать, а потом или сразу воплощать их, или исподволь подводить к ним противника. Молниеносные озарения. Внезапная вспышка постижения. Неторопливое перемещение фигур, безмятежное спокойствие дебюта, и вот — после неожиданного хода конем, слоном или даже пешкой — возникает угроза во всей ее очевидности, и у подножия дюны ветер заносит песком труп. И, осеня все это черной тенью, сверху парит смутное воспоминание о чем-то уже однажды виденном или пережи-

том, и перед глазами у тебя — ты сам: будто уже стоял когда-то на коленях перед оставленными следами и раздумывал над ними. Ах, если бы только удалось вспомнить, сказал себе Тисон, этого было бы довольно. Неожиданно он понял, что надо немедленно, безотлагательно вновь выйти за городские стены и провести розыск. Рокироваться, не прекращая размышлений. Но сначала вернуться, ни слова не говоря, к телу девушки, нащарить в песке закрученный спиралью металлический осколок и спрятать его в карман.

В это самое время в трех четвертях лиги¹ к востоку от венты Хромого небритый и заспанный капитан Симон Дефоссё, прикомандированный к штабу артиллерии 2-й дивизии Первого корпуса императорской армии, чертыхаясь сквозь зубы, пронумеровал и подшил к делу письмо, только что доставленное с Севильского литейного двора. Полковник Фроншар, начальник заводской военной инспекции, сообщает, что установлена причина дефектов, обнаруженных в трех девятидюймовых гаубицах, которые предназначены для войск, осаждающих Кадис. И причина эта — саботаж: была умышленно нарушена технология литья, отчего и возникло то, что на языке металлургов называется раковинной. Стволы дают трещины уже после первых выстрелов. Четыре дня назад, как только Фроншар установил, в чем дело, двоих рабочих и мастера — все трое испанцы — расстреляли, но капитану Дефоссё от этого не легче. На пушки, ныне признанные негодными, он возлагал немалые надежды. И не только возлагал, но и разделял их с маршалом Виктором и другим начальством, которое наверняка будет по-прежнему требовать, чтобы он решил задачу — а задача эта ему теперь не по плечу.

¹ *Лига* — мера длины, равная 5572,7 м.

- Капрал!
- Я!
- Передайте лейтенанту Бертольди — я буду наверху, на вышке.

Откинув старое одеяло, заменяющее дверь, капитан вышел наружу, забрался по приставной деревянной лестнице на самый верх наблюдательной вышки и уставился через бойницу на далекий город. Он стоял под солнцем с непокрытой головой, заложив руки за спину, под фалды мундира — темно-синего, с красными отворотами и обшлагами. Совсем не случайно наблюдательный пункт, оборудованный несколькими мощными подзорными трубами и современной микрометром Рошона с двойной окулярной призмой из горного хрусталя, находится именно здесь, на небольшом возвышении между артиллерийским фортом в Кабесуэле и батареей в Трокадеро. Капитан лично выбрал его после тщательного изучения местности. Отсюда — как на ладони весь Кадис и бухта до самого Исла-де-Леона, а в трубу можно разглядеть и мост Суасо, и Чикланскую дорогу. В определенном смысле это его владения. Теоретически, по крайней мере: зѐмли и вѳды отданы под его юрисдикцию по прихоти богов войны и приказу императора. И на этом пространстве коса маршальской власти может порой наткнуться на камень его воли. На поле этой брани не сидят в окопах, не совершают контрмаршей и обходных маневров, не бросаются в штыковые атаки — здесь воюют расчетами, сделанными на клочках бумаги, параболами, траекториями, углами и математическими формулами. А еще один из многих парадоксов сложной войны, которая идет в Испании, заключается в том, что здесь, в кадисской бухте, неизвестному артиллерийскому капитану поручено вести эту совершенно особенную битву, где процентное соотношение компонентов в одном фунте порохового

Перес-Реверте А.

П 27 Осада, или Шахматы со смертью : роман / Артуро Перес-Реверте ; пер. с исп. А. Богдановского. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 768 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-21282-4

1811–1812 годы. Кадис, последний оплот испанцев, сражающихся за свою независимость, осажден французами. Войска Жозефа Бонапарта планомерно обстреливают город, и, странное дело, именно в тех местах, куда попадают снаряды, происходит серия жестоких убийств молодых девушек. Рохелио Тисон, комиссар местной полиции, не отличающийся мягкостью нрава, вместе с Ипполитом Баррулем, партнером комиссара по шахматам, разыскивают таинственного убийцу...

Роман Переса-Реверте — острая, на грани жизни и смерти, напряженная, местами безумная многоходовая шахматная партия, фигуры в которой непредсказуемы, а результат игры может изменить не только судьбу героев, но и ход мировой истории.

Сам писатель, автор таких международных бестселлеров, как «Фламандская доска», «Клуб Дюма» (литературная основа «Девярых врат» Романа Полански с Джонни Деппом), цикла романов о приключениях капитана Ала-тристе (экранизация с Виго Мортенсеном) и многих других, так рассказывает о книге: «Технически это мой самый сложный роман, с самой разветвленной структурой... Я спустя двадцать лет словно опять вернулся к моим старым романам. Здесь есть и политическая интрига со шпионажем, и расследование, и любовная линия, и морские сражения, и приключения».

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)-44

Литературно-художественное издание

АРТУРО ПЕРЕС-РЕВЕРТЕ
ОСАДА,
ИЛИ ШАХМАТЫ СО СМЕРТЬЮ

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Татьяна Павлова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректор Валерий Камендо
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 20.09.2022. Формат издания $75 \times 100^{1/32}$.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 33,84.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-VAK-30216-01-R